

Глава 34: Лу Жун тихо позвал: "Гэгэ..."

Подумав о Шэнь Цзицзе, Лу Жун снова ускорил шаги, Сяо Гао последовал за ним, высунув язык, и на одном дыхании помчался обратно во двор вместе с ним.

Дедушка Цай держал черпак для воды и поливала дерево гинкго, посаженное во дворе.

Саженцы выращивать нелегко. Он взял саженец толщиной с чашу от знакомого, говоря Лу Жуну: "Это дерево такое же, как было. Им всем по восемь лет. Дедушка будет ухаживать за ними, чтобы посмотреть, который из них лучше растет."

После недельной апатии дерево гинкго адаптировалось, листья начали медленно подниматься.

"Дедушка, я вернулся," — Лу Жун поздоровался с ним и поспешил в спальню на втором этаже.

"Притормози, не упади."

Бросив школьный сумку на стул, Лу Жун забрался на кровать и снял с подушки наволочку, прикрывающую стационарный телефон под подушкой. Молочно-белая телефонная трубка лежала спокойно, без малейшего движения.

Он взял трубку и тихо сказал: "Привет, гэгэ, это я."

Через некоторое время он медленно вернул трубку на место.

Снизу донесся звук льющегося в кастрюлю масла, дедушка Цай готовил ужин. Лу Жун снова осторожно дотронулся до телефона, затем встал с кровати спиной вперед и начал делать домашнее задание.

Когда он переворачивал страницы или уставал писать, он обычно поднимал взгляд на телефон. Молчавший телефон не только не встревожил его, но и заставил почувствовать себя непринужденно.

"Жун-Жун, пора подкрепиться," — дед Цай, приготовив еду, крикнул снизу.

"Вот оно," — Лу Жун дописал последний вопрос, положил все учебники и пенал обратно в свою школьную сумку, после чего спустился вниз.

Сегодняшнее блюдо — жареное мясо с зеленым перцем и томатно-яичным супом, а также вегетарианская капуста, обжаренная во фритюре.

Дедушка Цай положил измельченное мясо в миску Лу Жуна и спросил: "Дитя, что ты думаешь о новой школе? Ты хорошо ладишь с новыми одноклассниками? Дедушка испечет тебе немного каштанов, принеси их завтра одноклассникам."

Лу Жун прожевал рис и сказал: "В нашей школе не разрешается приносить еду с собой."

"Нельзя?" — Дед Цай был в замешательстве: "Тогда почему бы не пригласить одноклассников пообедать у нас дома?"

Лу Жун немного подумал: "Но у меня пока нет друзей-одноклассников, может быть потом."

"Хорошо, ты можешь привести их домой, когда захочешь. Дедушка приготовит вам вкусную еду."

Лу Жун ел очень аппетитно, его щеки надулись, он не заметил, что дедушка Цай смотрит на него с застывшим выражением лица.

"Жун-Жун..." — Спустя долгое время Цай наконец заговорил.

"Мм?" — Лу Жун смешал измельченное мясо с рисом и отправил его в рот.

После того, как дед Цай сказал это, он вновь замолчал.

Лу Жун тоже заметил, что что-то не так, остановился, чтобы посмотреть на него.

"Дедушка, в чем дело?"

Дедушка Цай, поколебавшись, сказал: "Жун-Жун, когда ты поднимаешь трубку для звонка, в ней раздается гудок?"

Лу Жун не знал, почему дед спросил об этом, но все равно наклонил голову, вспоминая.

Каждый раз, когда он отвечал на телефонные звонки, в трубке не было гудка, только дыхание Шэнь Цзицзе, ждущего на противоположной стороне.

Поэтому он покачал головой: "Я ничего не слышал."

Выражение лица деда Цай, казалось, было смущенным, он сказал: "Когда ты поднимаешь трубку, цифры должны загораться. Ты знал об этом?"

Лу Жун прикусил свои палочки для еды, ничего не отвечая.

“Послушай, если телефон исправен, то после того, как поднимаешь трубку, эти цифры будут светиться.”

Заметив, что Лу Жун мгновение смотрел на него, дедушка Цай, сдерживаясь, продолжил: “Каждый телефон должен быть подключен к телефонной линии, а отверстие для телефонной линии находится сзади.”

Лу Жун протянул руку без палочек за спину.

Дедушка Цай сказал: “Я говорю о задней части телефона, именно стационарного. Сзади есть отверстие, которое специально используется для подключения к телефонной линии. Этим телефоном можно пользоваться, только если он подключен к ней.”

Лу Жун сказал: “Тогда, тогда...”

“Телефонная линия должна быть установлена специальным человеком, и если наш телефон будет подключен к телефонной линией, то это будет не предыдущий номер, а новый,” — быстро перебил его Цай.

Лу Жун на мгновение опешил, пробормотав: “Новый номер...”

“Да, позвонить можно только на новый номер, старый не будет работать.”

Лу Жун пристально посмотрел на свою миску, не говоря ни слова, дедушка Цай дал ему еще одну палочку из измельченного мяса: “Ешь, хороший мальчик, ты определенно сможешь подружиться с новыми одноклассниками, дедушка ждет, когда ты приведешь их домой поиграть.”

Через некоторое время он взял свои палочки для еды и начал есть, съев все измельченное мясо, которое дал ему дед, не оставив и рисунки.

“Дедушка, я пойду наверх,” — он поставил пустую миску и встал.

“Иди.”

Лу Жун медленно поднялся на второй этаж, его маленькие плечи поникли, а ноги волочились по земле, как будто у него не было сил.

Дедушка Цай повернул голову и посмотрел ему в спину, покачал головой, вздыхая.

Он вернулся в спальню, забрался на кровать, натянул одеяло, прикрыл все свое тело, сворачиваясь калачиком.

Через некоторое время тонкая белая рука вытянулась из-под одеяла и подтащила телефон к подушке.

Сквозь щель стеганого одеяла слышно, как внутри кто-то всхлипывает.

На следующий день, придя домой из школы, Лу Жун заметил, что телефона под подушкой нет.

Он не спрашивал дедушку Цая, просто постоял у кровати некоторое время, сел за стол, медленно достал из своей школьной сумки книгу и пенал для ручек, начиная делать домашнее задание.

Несколько дней спустя дедушка Цай добрался автостопом до центра реабилитации недалеко от деревни Лунцюань в поисках работников, чтобы узнать контактную информацию Шэнь Яня.

У работников был только номер телефона, оставленный ранее, после набора он отображался как несуществующий номер.

"Шэнь возглавил новый проект после завершения работы здесь. Он должен был сменить номер. Мы просто работаем и не можем с ним связаться."

Дел Цай сделал круг по развалинам деревни, постоял полчаса, взявшись за руки, и, наконец, отправился обратно вниз с горы.

Лу Жун больше не упоминал о телефоне. Он ходил в школу и делал уроки, играл с Сяо Гао и кокетничал с дедушкой, стоя на коленях. Он стал таким же, как прежде, как до встречи с Шэнь Цзице.

Просто во время зимних каникул он каждый день в три часа дня ехал в центр.

После трех часов на станцию прибывает автобус из окружного центра. Он останавливается всего на несколько минут. После посадки и высадки пассажиров автобус отправляется в следующее место.

Лу Жун, одетый в коричневую хлопчатобумажную шапку с собачьими ушами, толстый шарф и перчатки, стоял рядом с остановкой, глядя на выходящих людей.

Если шел дождь, он держал в руках маленький цветочный зонтик, подаренный ему дедушкой.

Продавцы, продающие булочки рядом с остановкой, были знакомы с ним, каждый раз видя его, они здоровались: "Лу Жун, ты сегодня рано."

"Не рано, осталось всего десять минут," — маленькое личико Лу Жуна выглядело серьезным.

Завидев издали приближающийся темно-серый маршрутный автобус, его глаза загорелись, он побежал ему навстречу, затем следовал за автобусом обратно на платформу.

Он посмотрел на всех выходящих, пока дверца не закрылась, автобус тронулся с места и исчез в конце города. Свет в его глазах наконец потускнел, он крикнул: "Сяо Гао, пошли домой."

Ребенок, как и каждый предыдущий день, вел большую желтую собаку по развилке дорог домой, медленно продвигаясь вперед в отчаянии.

Вскоре наступил Китайский Новый год. Они вдвоем, слушая смех по телевизору, взялись за свои бокалы с вином и прикоснулись к блюдам на столе.

"Я желаю дедушке крепкого здоровья, очень-преочень крепкого," — Лу Жун взял сливовое вино и сделал глоток.

Дедушка Цай прищурился с улыбкой: "Ну, что ж, ради моего Жун-Жуна дедушкино здоровье определенно будет хорошим."

Лу Жун уставился на светло-коричневую жидкость в чашке и мысленно произнес: "Я желаю моему гэгэ счастья, чтобы ты был очень-преочень счастлив."

Поразмыслив, он сделал еще один глоток.

"Не пей слишком много. Когда ты напьешься, будешь играть, как Сяо Гао," — напомнил дедушка.

Лу Жун поспешно убрал бокал с вином: "Только один бокал, только один."

Сяо Гао лежал рядом с ним, лениво обгладывая кусок мяса с кости, откусывая и отщипывая лапами.

На окнах с красными решетками можно увидеть, как в небе взрываются фейерверки. Снаружи дул холодный ветер, но в доме было тепло.

Приближается еще один новый год.

...

Несколько лет спустя.

Летом в полдень листья были обожжены солнцем, и только цикады душевно стрекотали.

В комнате с задернутыми шторами электрический вентилятор продолжал дуть на кровать. Молодой человек на кровати протер глаза и сел, пригладив свои пушистые волосы ото сна. На слишком длинных волосах кончики слегка завивались, немного закрывая глаза.

На нем была широкая старая белая футболка, свободно свисающая у него на плечах, ночной ветер раздувал ее волнистыми линиями. Тонкая шея и плечи были обнажены, кожа была белой и сияющей. Однако внизу на нем были только шорты, две его худые белые ноги были длинными и прямыми.

Он надел тапочки, стоявшие у кровати, раздвинул занавески, прищурился от внезапно ослепительного солнечного света, его длинные и густые ресницы изогнулись дугой.

Плотно задернув шторы, он выключил вентилятор и толкнул дверь, его тапочки застучали по цементному полу. Спустившись вниз, он открыл холодильник, достал фруктовое мороженое, откусил большой кусок и, хрустя, вышел.

Большая желтая собака лениво лежала под карнизом дома и, увидев его, не пошевелилась, только взмахнула хвостом, как ни в чем не бывало.

Во дворе дедушка Цай присел на корточки рядом с цветочной веткой, собирая почву под ней, сказал, не поднимая головы: "Жун-Жун, принеси мне секатор."

Молодой человек снова зашагал к дому. Через некоторое время раздался чистый и приятный голос, окончание было немного мягким: "Дедушка, куда ты положил секатор? В шкафу нет."

"Он лежит на подоконнике."

"Мм, я нашел."

Лу Жун передал ножницы деду Цаю и присел рядом с ним на корточки, наблюдая, как он подрезает, время от времени откусывая от фруктового мороженого кусочек.

"Иди и поешь, от этого звука у меня начинают болеть зубы," — сказал дед Цай.

Лу Жун присел и сделал два шага назад, продолжая хрустеть.

Дедушка Цай срезала висящую ветку с цветами: "У меня болят зубы, не приходи сюда, возвращайся домой и смотри телевизор в одиночестве."

"Я снова тебе не нравлюсь," — пробормотал Лу Жун и встал.

В глазах дедушки Цая появилась улыбка: "Ты только это понял? Я так сильно ненавижу тебя, что не могу видеть, как ты бродишь здесь."

"Я собираюсь бродить дальше, буду бродить здесь все время," — Лу Жун подошел к табурету рядом с ним и сел, но перестал жевать фруктовое мороженое, лишь посасывал его.

Подул порыв ветра, и листья дерева гинкго во дворе зашелестели.

Лу Жун похлопал по стволу толщиной в чашу и спросил: "Дедушка, как ты думаешь, лучше расту я или это дерево?"

"Ты лучше растешь." — Дедушка Цай сказал: "Ты окончил университет, а это дерево даже никогда не ходило в начальную школу."

Лу Жун поднял глаза на листья, и свет из щели упал на его лицо, отразив очень красивое лицо с красными губами, белыми зубами и темными бровями.

Цай спросил: "Я слышала, что дети из средней школы из нашего старого города собираются путешествовать. Ты хочешь поехать с ними?"

"Нет." — Лу Жун мрачно сказал: "В такой жаркий день я не хочу выходить на улицу."

Дед Цай посмотрел на него снизу вверх: "Судя по твоему ленивому виду, ты собираешься лежать под карнизом с Сяо Гао все дни напролет?"

Сяо Гао под карнизом внезапно поднял голову, услышав свое имя.

"Я скоро уеду в город, чтобы найти работу. Я хочу проводить больше времени с дедушкой," — Лу Жун выглядел приятно, его слова были слаще фруктового мороженого.

Дедушка Цай почувствовал себя хорошо, но все равно вздохнул: "Поторопись, поторопись, чем раньше ты уйдешь, тем быстрее я закончу."

Лу Жун сказал: "Дедушка хочет прогнать меня, тогда не думай обо мне, когда будешь вытирать слезы."

Дед Цай улыбнулся и махнул рукой, прогоняя его: "Иди, иди, уходи сейчас же, во дворе так жарко, иди посмотреть телевизор в дом."

Лу Жун вернулся в дом, включил телевизор, взял со стола кастрюлю с капустой и смотрел, выбирая. Телефон в кармане его брюк безостановочно вибрировал, это была школьная группа.

Он поставил бамбуковую корзинку, достал свой телефон, желая положить его на стол, но случайно включил его.

Прокрутив сообщения, выяснилось, что писали самые активные одноклассники.

[Ан настолько красив, что удостоенный наград фильм, в котором он сыграл, скоро выйдет в прокат в Китае.]

[Это восточное лицо, китайское? Он китаец?]

[Он китаец, живший за границей, он только что получил международную премию, новый актер...]

[Неудивительно, что я не слышал о нем раньше, но его отправная точка так высока, теперь он повсюду в интернете.]

[Я подписался на его Weibo.]

Кинозвезда... Ан...

Лу Жун уловил эти два слова, а также мельком увидел фотографию в сообщении чата.

Молодой человек в костюме, одной рукой обхвативший грудь, а другой подпирающий подбородок, в расстегнутой рубашке.

Его телефон — очень старый недорогой смартфон, разрешение экрана низкое, а маленькие картинки очень размыты, он не может четко видеть лицо.

Это должен быть Ан, но он не потрудился нажать на него и рассмотреть поближе. Он только подумал, что этот человек очень высокий и красивый, отложил телефон и продолжил смотреть телевизор, выбирая блюда.

Период времени, когда он только закончил школу, был комфортным и расслабляющим. В отличие от других одноклассников, спешащих найти работу, Лу Жун каждый день оставался дома, ел и спал, смотрел телевизор и шутил с дедушкой Цаем.

Только вечером они вывели Сяо Гао на прогулку к реке, ожидая, когда вокруг стемнеет и взойдет луна, только тогда они медленно вернулись в маленький дворик.

"Дедушка, кажется, твое лекарство от давления заканчивается," — Лу Жун порылся в куче ежедневных лекарств на тумбочке у телевизора.

"Ах, разве я не купил пять бутылок в прошлый раз, когда ездил в округ?" — ответил дедушка Цай и посмотрела на телевизор.

Лу Жун сказал: "Очевидно, ты купил только три бутылки."

"Ой."

Лу Жун поставил пустую бутылку и сказал: "Завтра я поеду в округ, чтобы купить тебе лекарство."

"Центр округа..." — Дед Цай немного подумал: "Ладно, не сиди дома, выйди погулять."

На следующий день Лу Жун взял тканевую сумку в цветочек и сел в микроавтобус, который за час довезет до центра округа.

Проторчав в транспорте около часа, он вышел из автобуса на остановке и отправился в сетевую аптеку неподалеку, чтобы купить лекарство от давления. Видя, что было еще рано, он захотел сходить в торговый центр, чтобы купить пару кожаных туфель для дедушки.

Когда он учился в университете в городе, по выходным, когда не ездил домой, он ходил работать в какие-нибудь магазины и откладывал немного карманных денег. Редко удается побывать в центре, поэтому он хочет заранее купить обувь для деда на осень.

Ближайший торговый центр также находится в нескольких кварталах отсюда. Случилось так, что неподалеку подошел автобус, и он сел в него.

Пока автобус ехал по длинной улице, Лу Жун искоса поглядывал на пешеходов за окном.

Мальчик, шедший по тротуару, пошатываясь, двинулся вперед, а его дедушка развел руками и охранял его, как старая курица.

Лу Жун смотрел на это с улыбкой на лице, пока не перестал их видеть.

Как только он повернул голову назад, его взгляд скользнул мимо рекламного щита у дороги.

Это был мужчина в костюме, выглядевший молодым и подтянутым. Он обнял себя одной рукой за грудь, а другой за подбородок. Две верхние пуговицы его рубашки были расстегнуты, открывая светло-коричневую кожу, что придавало ему немного сексуальности.

Его волосы казались растрепанными, но стильными, несколько прядей закрывали лоб, но не спрятали его глубокие брови.

Очень красивый, очень симпатичный, крупный парень.

Это было первое впечатление Лу Жун, увидев плакат.

Затем возникло странное ощущение, что черты лица молодого человека были знакомыми, казалось, что он где-то его видел.

Но прежде чем он успел рассмотреть его поближе, рекламный щит остался позади автобуса. Лу Жун повернул голову назад и, немного подумав, вспомнил предыдущую новость в группе класса, и в то время там была эта фотография.

Неудивительно, что он выглядит знакомым...

Лу Жун почувствовал облегчение.

Кажется, это актер, который только что получил награду за границей. Как его зовут? Энтони? Ада□

...

Когда автобус прибыл на станцию, в нескольких десятках метров от которой находился торговый центр, Лу Жун надел маленькую матерчатую сумку и вошел внутрь.

Он направился прямо на третий этаж магазина кожгалантереи, зашел в обувной магазин, который был не слишком дорогим, и выбрал кожаную обувь для своего дедушки.

Поскольку он хотел более легкую и мягкую, а также воздухопроницаемую и удобную, он выбрал несколько пар альтернативной обуви, внимательно расспрашивая продавца и примеряя их на себя.

Он неоднократно сравнивал и выбирал, но, к счастью, рот у него был сладкий, а на щеках время от времени появлялись ямочки при смехе, так что продавщица не проявила нетерпения и представила ему их серьезно.

Наконец, по рекомендации продавца он выбрал обувь, подходящая для занятий спортом, она была со скидкой более 400 юаней.

Лу Жун оплатил счет своим телефоном и вышел из торгового центра с коробкой из-под обуви.

Когда он подошел к автобусной остановке неподалеку, автобус еще не пришел, Лу Жун устался на большой светодиодный экран на противоположной стене.

Казалось, он брал у кого-то интервью. Толстый лысый мужчина жестикулировал и что-то говорил. Лу Жун не слушал. Хотя он смотрел, в глубине души он думал о чем-то другом.

"...Это, смотрите, это новый актер международной премии."

"Я знаю, я знаю, он действительно красив..."

"Этот удостоенный наград фильм будет немедленно выпущен в Китае, в будущем он также собирается сниматься в Китае."

"Конечно, посмотрите на пропаганду в наши дни, она повсюду."

...

Громкий разговор людей рядом с ним прервал размышления Лу Жуна. Только тогда он понял, что толстый лысый мужчина на большом экране исчез и превратился в очень красивого молодого человека. Ему около 20 лет, в нем чувствовалась и молодость, и жизненная сила, и немного обаяния взрослого мужчины.

Лу Жун взглянул на него и бессознательно отвел взгляд, но потом ему что-то пришло в голову, он медленно повернул голову назад, уставившись на человека на большом экране. После недолгого пристального взгляда он начал учащенно дышать, его глаза расширились, и он сжал обеими руками свою сумку из ткани в цветочек.

Молодой человек был одет в хорошо сшитый темный костюм, сидел на единственном диване, скрестив ноги, улыбался и давал интервью.

У него широкие плечи, узкая талия и стройные ноги, а сидячая поза непринужденная, но не раскованная. Левая рука, на которой надеты дорогие часы, покоилась на подлокотнике дивана, а правая слегка постукивала по нему, словно обдумывая, как ответить на вопрос интервьюера.

"...Мне очень повезло наткнуться на этот фильм и сняться в роли Трекера. Конечно, у этого персонажа сложное сердце, и его нелегко играть..."

У него очень приятный голос, низкий и мягкий, с очень фактурным магнетизмом.

"Я слышал, что Ан сыграл в нем не только Трекера, но и его прошлую и настоящую жизни, что равносильно двум ролям."

"Ого, у него тоже приятный голос."

Люди на платформе тоже смотрели на большой экран, продолжая громко разговаривать.

Лу Жун не обращал внимания на то, что говорили эти люди, он просто недоверчиво смотрел на большой экран, в голове у него было пусто, а по сердцу, казалось, стучали барабанной палочкой.

Бах-бах, бах-бах.

В отличие от плаката, который промелькнул мимо, человека на большом экране несколько увеличили, как будто он сидел перед ним. На дисплее высокой четкости каждое выражение его лица, каждый раз, когда он наклонял голову, слегка хмурился и приподнимал уголки губ, попадало в глаза Лу Жуну.

— Включая очень четкую красную родинку у него на запястье.

Время, казалось, застыло, красивые черты лица мужчины наложились на мальчика в его памяти, а затем идеально слились, и эти воспоминания о прожитых годах всплыли.

"Жун-Жун, иди сюда."

"Назови меня братом, дай мне послушать."

"Я и твой брат, и твой муж..."

"Жун-Жун, гэгэ никогда не оставит тебя."

...

Губы Лу Жуна тихо шевельнулись, и он тихо позвал почти неслышным голосом: "Гэгэ..."

Внимание! Этот перевод, возможно, ещё не готов.

Его статус: идёт перевод

<http://bllate.org/book/14910/1326863>